

Чжэн Цюйин считал дни и ночи в томительном ожидании, и вот наконец свадебный паланкин внесли в Поместье Чжэн. Дрожащей рукой он откинул алую занавеску, но вместо сияющей невесты его взгляду предстал безжизненный труп девицы, испустившей дух ещё в дороге.

Она была облачена в подвенечный наряд, расшитый узорами из гибких ивовых ветвей. Её некогда нежное, кроткое лицо исказила посмертная гримаса: веки приоткрылись, обнажив закатившиеся белки глаз, и вся былая живость испарилась без следа, оставив лишь синюшную бледность кожи да бессильно повисшую тонкую кисть.

— А-а-а!

Слуги в ужасе закричали. Чжэн Цюйин, едва достигший совершеннолетия, собственноручно вынес остывающее тело Цинь Ляньцзюнь из паланкина и, расталкивая дрожащую прислугу, бросился к лекарю.

— Молодой господин, не сходите с ума... Она мертва.

— У её отца всегда было слабое здоровье. Должно быть, девица унаследовала ту же неизлечимую хворь.

— Молодой господин, опомнитесь же, молодой господин!..

В то мгновение Чжэн Цюйин сам был готов последовать за ней в преисподнюю. Мысль о том, что это он погубил Цинь Ляньцзюнь, жгла его изнутри. Неужели правы были те, кто сулил ему проклятую судьбу вдовца, обрекающего своих жён на смерть? Ему не следовало затевать эту свадьбу. Оставь он её в покое, она, быть может, жила бы и радовалась солнцу. В этом году ей исполнилось всего восемнадцать — совсем дитя, успевшее повидать этот мир лишь краем глаза.

Он неотлучно сидел у гроба Цинь Ляньцзюнь, отказываясь от еды и воды, пока силы окончательно не оставили его. Юноша слёг в жестокой лихорадке. Когда жар наконец спал и он пришёл в себя, заплаканная мать, сокрушённая горем, решила открыть ему страшную правду.

— Цюй-эр, если хочешь винить кого-то, вини меня! Только не губи себя, умоляю... Это всё моя вина! — Госпожа Чжэн разрыдалась, её глаза покраснели от пролитых слёз. — Твоя матушка поддалась на уговоры бродячего заклинателя... Мы устроили посмертный союз с живыми невестами, чтобы продлить твои дни! Это я должна понести кару, я просто не могла больше видеть, как ты угасаешь от страха!

— Те три девушки... все они родились в час Инь, в третью четверть. Мы с твоим отцом скрыли

это от тебя. Если небу угодно покарать нас за это святотатство — пусть кара падёт на наши головы! Но твоя мать желала тебе лишь жизни.

— Невест в мире много, ты ещё встретишь свою судьбу. Только не изводи себя, сынок!

Мать безутешно рыдала рядом, а Чжэн Цюйину казалось, будто он заживо провалился в ледяную бездну. Осознание содеянного неподъёмным камнем легло на его сердце. Ради его спасения родители пошли на страшное преступление; из-за него оборвались три невинные жизни.

С тех пор он заперся в своих покоях и месяцами не переступал порога усадьбы. Лишь однажды, в Праздник тысячи осеней, он решился выбраться в Восточный город. Там, бродя среди праздничной толпы, он случайно наткнулся на алтарь Призрачного Лорда. Видимо, божество вняло его немому горю: в ту же ночь юноше приснилась покойная Цинь Ляньцзюнь.

С того дня он стал ревностно почитать Призрачного Лорда. В его домашнем святилище неугасимо тлели благовония — Чжэн Цюйин молил лишь об одном: вновь и вновь видеть любимую хотя бы во сне.

Но в один из дней нерадивый слуга по неосторожности опрокинул в святилище храмовый подсвечник. Огонь мгновенно охватил деревянный лик Призрачного Лорда, а самого виновника пожара вскоре нашли мёртвым среди пепла.

Пролитая кровь, удушливая обида и третья четверть часа Инь слились воедино. Безумная, слепая одержимость породила зловещее проклятие, и Цинь Ляньцзюнь снова явилась пред его очи.

— Цюй-лан, мой милый Цюй-лан... В прошлой жизни ты обрёк меня на смерть. Как же ты искупишь свой грех теперь?

Минну и Сунцзин увидели, как Цинь Ляньцзюнь обратилась в призрака в алых одеждах. Всё произошло в точности так, как они и предполагали: восставшая из мёртвых дева подчинила своей воле сначала Чжэн Цюйина, а затем и всё поместье Чжэн. Она устроила жуткое костехранилище на колокольной башне и держала в страхе окрестности Города Колокола и Барабана.

— Старший брат Сунцзин, неужели... зловещее проклятие зародилось само по себе? Разве это может быть простым совпадением? — спросил Минну.

Лицо Сунцзина оставалось бесстрастным. Они просмотрели чужие воспоминания до конца. Обычная мирская суэта, нелепая череда роковых ошибок, приведшая двоих возлюбленных к

столь трагическому финалу — это невольно заставляло вздохнуть о превратностях судьбы.

— Минну, как думаешь, существуют ли в поднебесной случайности? — негромко проговорил Сунцзин, увлекая его прочь из зыбкого марева чужого разума.

Они вновь очутились посреди полумрака храмового зала.

— Любая случайность — это лишь неизбежное следствие давно запущенных причин.

Пока Сунцзин говорил, Минну подошёл ближе к Чжэн Цюйину. Тот по-прежнему стоял на коленях, застыв каменным изваянием. В его мёртвых руках был зажат золотой колокольчик, веки были опущены, а дыхание давно пресеклось.

— Старший брат Сунцзин, он мёртв, — Минну коснулся пальцами шеи Чжэн Цюйина и тут же отстранился.

— Все союзы и расставания предрешены у истоков бытия, — Сунцзин забрал колокольчик. Обитавший внутри призрак в алых одеждах давно ослеп от ярости и скверны. Теперь эта тварь знала лишь жажду крови и убийств, позабыв о былых чувствах и земных привязанностях.

Сунцзин направился к потайной нише, где, согласно воспоминаниям покойного, находился алтарь Призрачного Лорда. С тихим скрежетом потайная дверца отворилась, обнажив уходящий в непроглядную глубь узкий и сырой спуск.

— Старший брат Сунцзин, есть ещё кое-что, — подал голос Минну. — Тот Фули из воспоминаний Чжэн Цюйина... Мы ведь уже встречали его раньше.

— У тебя хорошая память, — отозвался Сунцзин. — Но боюсь, этого человека давно нет в живых.

Огонёк высеченной искры разжёл настенные масляные светильники. Слабый, колеблющийся свет озарил ледяную тесноту подземелья. Из темноты проступил лик Призрачного Лорда.

Существо обладало человеческим лицом и призрачным телом: утончённые, изысканно-кроткие черты прекрасной девы переходили в грубое, раздутое и уродливое змеиное туловище, источавшее потустороннюю, зловещую жуть.

Благовония на алтарном столике ещё не догорели; тонкая струйка сизого дыма поднималась к низкому своду.

— Старший брат Сунцзин, здесь кто-то был... совсем недавно. — Взор Минну скользнул по изваянию. Каменное тело Призрачного Лорда обвивали едва различимые, клубящиеся нити

чёрных рун.

Символы были непонятны юноше — ломанные линии напоминали сплетения корчащихся в муках тел, и от одного взгляда на них к горлу подкатывала тошнота.

Вдруг боковым зрением Минну уловил движение. В тёмном углу соткалась безмолвная фигура, закутанная в чёрную мантию. Глубокий капюшон скрывал лицо, являя взору лишь зловещий, полуразмытый силуэт призрака.

Сунцзин среагировал мгновенно. С тихим звоном его меч покинул ножны. Ослепительная дуга верного клинка рассекла полумрак, но таинственный гость уже растворился в воздухе, и сокрушительный удар лишь расколол надвое каменную кладку стены.

Одновременно с этим чёрные письма на стенах с сухим треском осыпались и обратились в облако едкого тёмного тумана.

В подземелье воцарилась мёртвая тишина. Каменное изваяние Призрачного Лорда безмолвно взидало на них из полумрака прищуренными глазами, словно насмехаясь.

— Старший брат Сунцзин, что нам теперь делать? — тихо спросил Минну.

Сунцзин отвёл взгляд от разрушенной стены и вложил меч в ножны.

— Возвращаемся в Академию.

— С остальным разберутся младшие ученики.

В то же мгновение фигуры заклинателей растаяли в воздухе. Стоило им уйти, как под сводами крыши медленно соткался призрачный силуэт. Чёрная тень на мгновение обрела очертания человеческой фигуры, а затем беззвучно рассеялась в пустоте.

— Сунцзин! Ладно бы ты сам рисковал головой, но зачем было тащить с собой учеников? Мы ведь сколько раз тебе повторяли: не слушай во всём своего наставника! Что старый, что малый — ни на одного нельзя положиться!

— Из Поместья Цзян уже прибыли люди. Цзян Сюэхэ до сих пор не пришёл в себя. Если с ним случится непоправимое, как мы будем оправдываться перед его семьёй?

Сунцзин удивлённо приподнял брови:

— Цзян Сюэхэ?

— Не только он. Мальчишку из семьи Мэй тоже забрали родственники. Цзян Сюэхэ тяжело ранен и без сознания, госпожа Цзян прислала за ним доверенных людей.

— Она велела передать, чтобы ты нанёс визит вежливости в другой день, когда вернёшься. И ещё кое-что: слугу клана Цзян они тоже требуют вернуть назад.

Старейшина перевёл строгий взгляд на Минну, стоявшего за спиной Сунцзина. Юноша с самого возвращения буквально не отходил от старшего брата ни на шаг, робко держась в его тени и стараясь казаться тише воды, ниже травы.

«Почему Цзян Сюэхэ так сильно пострадал? Разве под удар не должен был попасть Ли Сяохо? Что вообще с ним стряслось?»

Эти вопросы вихрем пронесли в голове Минну, но стоило ему услышать, что госпожа Цзян требует его возвращения, как всякое любопытство мгновенно улетучилось. По его спине пробежал ледяной пот.

Он с таким трудом вырвался из этого золочёного склепа — Помесья Цзян. Возвращаться туда сейчас было равносильно гибели.

Если он переступит порог того дома, другого шанса на побег судьба ему не подарит. К тому же, если Цзян Сюэхэ действительно при смерти, госпожа Цзян в гневе просто забьет его до смерти.

— Старший брат Сунцзин, я не хочу возвращаться, — Минну судорожно вцепился пальцами в край чужого рукава. Его расширившиеся от испуга глаза наполнились слезами, в них читалась немая мольба. — В Помесье Цзян ко мне всегда относились как к скотине. Если брат Хэ тяжело ранен, меня сделают козлом отпущения и просто забьют палками.

— Молю тебя, старший брат, не бросай меня на растерзание!

Старейшина лишь беззвучно вздохнул, покачав головой.

Сунцзин почувствовал натяжение ткани. Будь у Минну хвост, тот наверняка сейчас усердно вилял бы им, заискивающе заглядывая в глаза. Эти влажные, полные слёз глаза смотрели на него с такой преданностью и отчаянием, что отказать было выше человеческих сил.

«И надо же было так влипнуть... Этот маленький сорванец решил намертво ко мне прицепиться»

В глубине души Минну страстно желал, чтобы Цзян Сюэхэ больше никогда не открыл глаз, но собственная жизнь была ему куда дороже. Если бы ему предложили обменять свободу на спасение «любимого господина», он, не задумываясь, предпочёл бы никогда больше не слышать этого имени.

Пусть тот умирает, лишь бы сам Минну остался вольной птицей.

— Старейшина, это дело требует тщательного разбирательства. Пока мы не проясним все обстоятельства, Цзян Минну останется в Академии, — ровным тоном произнес Сунцзин, прекрасно понимая, какая участь ждёт юношу в родном клане. — Расскажите, что с Ли Сяохо? И когда именно пострадал Цзян Сюэхэ?

— Разумеется, во время испытания! А про этого негодника Ли Сяохо и говорить нечего — вернулся, а на следующий день как сквозь землю провалился. Никто понятия не имеет, где его носит. Нынешний набор учеников — просто сущий кошмар, никакой дисциплины!

— Ко всему прочему, государь династии Юн тяжело занемог, и Третье Высочество спешно отбыл в столицу. Сунцзин, ты только посмотри, какую кашу заварил! Одно простое испытание — и троих многообещающих учеников как не бывало! И за всё это отдуваться придётся нашей Академии!

Старейшина продолжал ворчать и сокрушаться, но Сунцзин выслушал его излияния с безупречным спокойствием.

— Я лично доложу обо всём главе ордена, — мягко прервал он собеседника. — Если же вы, почтенный старейшина, всё ещё тревожитесь, можете сами передать ему благую весть: дело у Горы Колокола и Барабана раскрыто. Нам удалось обнаружить след древнего проклятия. Зловещая сущность, терзавшая те земли, усмирена и доставлена в обитель.

С этими словами Сунцзин раскрыл ладонь, над которой завис золотой колокольчик. Артефакт обвивали клубящиеся кольца тёмных, непрерывно меняющих форму рун, источавших едва заметную холодную дымку.

Старейшина мгновенно прикусил язык. На самом деле он лишь сотрясал воздух ради порядка — все в ордене знали, что на Сунцзина можно положиться в любом, даже самом безнадёжном предприятии. Дело, запятнанное древней скверной, стоило жизни не одному сильному заклинателю, а этот упрямец ухитрился не просто выжить, но и притащить саму тварь на аркане. Одно плохо: своим непредсказуемым нравом юноша точь-в-точь походил на своего безумного учителя. Никогда не угадаешь, какую глупость он выкинет в следующий миг.

С одной стороны — надёжная опора, с другой — вечная головная боль.

Выслушав разговор до конца, Минну не удержался от улыбки. На его лице проступила робкая радость, смешанная с недоверием.

— Старший брат Сунцзин... мне действительно можно не возвращаться? А как же госпожа Цзян? Она ведь не оставит это просто так?

— О её недовольстве можешь позабыть, — успокоил его Сунцзин. — Подобные случаи уже бывали в истории Академии. Но учти, Минну: я протягиваю тебе руку помощи вовсе не из жалости.

— В тебе скрыт незаурядный талант, и я не позволю похоронить его в чулане господского дома. Готовься к тому, что отныне твоя главная обязанность перед лицом орденов — выжить. Чего бы это ни стоило.

Минну опешил от таких слов. Немного подумав, он тихо спросил:

— Почему нужно именно выжить? Разве истинные праведники не должны быть готовы сложить головы во имя правого дела?

— Только живые способны защитить тех, кто слаб, — покачал головой Сунцзин. — Смерть — слишком лёгкий и дешёвый выход.

— Тёмные твари и злые божества требуют от своих прислужников слепой гибели. Мы же ценим саму жизнь. В этом и кроется извечная грань между светом и тьмой. Теперь ты понимаешь?

Минну задумчиво кивнул, хотя смысл слов наставника дошёл до него лишь наполовину. Он с восхищением посмотрел на Сунцзина. Тот был старше него всего на несколько лет, но разница в их зрелости казалась непреодолимой пропастью.

— Старший брат Сунцзин, а... брат Хэ может умереть от своих ран? — с затаённой надеждой спросил он.

— Откуда мне знать? Я даже не ведаю, где и как его ухитрились так сильно отделать, — пожал плечами Сунцзин, ненадолго задумавшись. — Но сдаётся мне, этот упрямец выкарабкается.

— Госпожа Цзян костями ляжет, но не позволит своему драгоценному преемнику испустить дух. К тому же Цзян Сюэхэ... волей он крепок как сталь. Подобные испытания лишь закалят его характер.

Кратко оценив противника, Сунцзин похлопал Минну по плечу.

— Ну ладно, мне пора к главе ордена. А ты ступай, разыщи этого негодника Ли Сяохо и разузнай, как его драгоценное здоровье.

— Думаю, тебе не составит труда его отыскать.

— Если что-то случится, сразу дай мне знать.

— Береги себя, старший брат. До встречи, — послушно отозвался Минну.

Проводив взглядом Сунцзина, юноша поспешил к жилым корпусам. В голове его творился суший сумбур из-за обилия новостей, но сейчас важнее всего было проверить, как там Ли Сяохо. Всю лишнюю суету он безжалостно выбросил из мыслей.

Едва переступив порог их тихого дворика, Минну замер. Его смутное предчувствие оправдалось: прямо перед ним, у большого глиняного чана с водой, сидел Ли Сяохо. На его лице красовалась жутковатая маска младенца-призрака, а сам он застыл неподвижным изваянием, неотрывно созерцая собственное отражение на водной глади.

Минну помнил, в каком ужасном состоянии тот находился ещё недавно — с развороченной грудью, едва дышащий. Но сейчас от страшной раны не осталось и следа. Ли Сяохо выглядел совершенно здоровым.

Услышав тихий шорох шагов, парень медленно повернул голову. Их взгляды встретились, и Минну аккуратно затворил за собой дверь.

— Старший брат Сунцзин велел мне провести тебя, — негромко произнёс Минну. — Твоя рана... как ты себя чувствуешь?

Ли Сяохо прыгнул с края глиняного чана. На самом деле пострадал Цзян Сюэхэ, а не он. Стоило им вернуться из Горы Колокола и Барабана и вернуть контроль над телом, как плоть затянулась сама собой, бесследно поглотив следы увечий.

— Всё прошло. А ты... уцелел? — хриловатый, низкий голос Ли Сяохо звучал непривычно глухо.

— Я цел и невредим, не беспокойся. Очень за тебя переживал, хорошо, что обошлось, — Минну облегчённо вздохнул, но тут же понизил голос до шёпота: — Скажи, я слышал, будто брат Хэ при смерти. Что с ним стряслось на самом деле? И... что произошло после вашего возвращения?

Ли Сяохо слегка склонил голову набок. Во время испытания они угодили в хитроумную ловушку тёмного строя, но все трое предпочли держать рот на замке. Никто из них не проронил ни слова.

Признать такое означало расписаться в собственной беспомощности и глупости — поддаться на столь дешёвую уловку призрака было позорно для любого заклинателя.

— Понятия не имею, — Ли Сяохо отвёл взгляд в сторону. — Должно быть, козни нечисти.

— Вот оно как... — Разочарование скользнуло по лицу Минну, но он тут же прогнал уныние и заговорщически улыбнулся: — Зато старший брат Сунцзин поймал ту тварь! Наше испытание официально завершено.

— И есть ещё одна новость, которой я безумно рад. Ли Сяохо, мне больше не нужно возвращаться в Поместье Цзян.

— Похоже, меня оставят в Академии насовсем!

Ли Сяохо не совсем понимал, отчего тот так ликует, но, глядя на разрумившиеся щёки юноши и искренний, сияющий восторг в его глазах, промолчал. Он лишь согласно кивнул в ответ.

— Я так счастлив! Слушай, у тебя есть планы на вечер? Может, спустимся к подножию горы, купим чего-нибудь вкусного? — с надеждой спросил Минну.

Ему действительно нужно было вытащить Ли Сяохо в город — тому давно пора было сбыть с рук добытую холодную яшмовую траву.

Сам Минну траву брать не стал, но у него при себе оставались осколки серебряного лотоса, которые тоже ценились среди торговцев. За них можно было выручить неплохую горсть духовных камней.

Ли Сяохо на мгновение задумался. Резкое «некогда» уже готово было сорваться с его губ, но Минну вдруг порывисто схватил его за ладонь.

— Ну же, я знаю, какой ты у меня добрый! Значит, решено: вечером идём вместе.

— Ли Сяохо, ты — мой самый лучший друг!

Ли Сяохо безмолвно уставился на их сомкнутые руки.

Оставшуюся часть дня каждый занимался своими делами. Минну старательно заносил в свитки подробности их недавнего приключения, классифицировал осколки серебряного лотоса и выписывал старинные легенды о нечисти из библиотечных книг.

Временами он поглядывал на соседа. Тот сидел в углу, погружённый в чтение каких-то

замудрённых трактатов, в которых Минну не смыслил ни слова.

Казалось, после возвращения из Горы Колокола и Барабана Ли Сяохо замкнулся в себе ещё сильнее.

Почувствовав на себе очередной любопытный взгляд, Ли Сяохо молча захлопнул фолиант, отложил в сторону несколько увесистых томов и придвинул их к Минну.

— С этого дня... учимся вместе.

Если Цзян Минну продолжит оставаться круглым невеждой, в будущем он станет лишь обузой. Но если они оба обретут силу и знания, то в следующий раз, когда смерть заглянет им в глаза, они смогут дать ей достойный отпор.

<http://bllate.org/book/20439/2192617>